

**И.В. Филатов<sup>1</sup>,**

канд. экон. наук, доцент экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

## **НОМО FABER В ЕГО ИСТОРИИ<sup>2</sup>**

В статье рассматривается эволюция роли труда начиная от ранних и античных экономических систем до индустриального капитализма и экономики знаний. Сравняются различные представления о труде в экономической и социальной мысли соответствующих эпох. Понятие *Homo Faber* вводится для описания человека, который посредством целесообразного и творческого труда контролирует внешний мир.

**Ключевые слова:** труд, трудовая этика, капитализм, экономическая история.

The paper covers evolution of a role of human labour from early and antique economy before industrial capitalism and knowledge economy. The author then compares various ideas in economic and social thought. The concept “*Homo Faber*” is entered for the description of humans as controlling the environment through expedient labour.

**Key words:** labour, work ethic, capitalism, economic history.

Существование людей зависит от труда. Одно из фундаментальных определений человека — это *Homo Faber* — «человек делающий», существо, производящее орудия труда. Еще не так давно в марксистской литературе неизменно отмечалось, что «труд создал человека». В самом деле, люди не могли бы выжить, если бы не имели пищи, а также той или иной одежды и крова. Поэтому даже в тех человеческих сообществах, где пищу получали не культивированием растений или домашних животных, а просто добывали в дикой природе, существовала систематическая деятельность, связанная с поиском и распределением необходимых для жизни материальных ресурсов. В более развитых обществах для большинства людей труд как производственная деятельность занимает большую часть их жизни. Поэтому труд можно понимать как образ жизни человека.

Известный историк экономической жизни Ф. Бродель назвал этот слой хозяйственной деятельности «материальной жизнью», на основе которой постепенно возникали очаги рыночной экономики, а в последние несколько столетий и такие ее развитые формы, как торговый и индустриальный капитализм. Жизнь в совре-

---

<sup>1</sup> Филатов Илья Владимирович, тел.: + 7 (962) 945-87-38; e-mail: methodology@yandex.ru

<sup>2</sup> Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-03-00698.

менном обществе вырабатывает взгляд на труд как на регулярную и специализированную деятельность в рамках многих профессиональных сфер. Однако такое представление возникло относительно недавно, и оно не должно заслонять собой более ранние формы труда и разные типы отношения к нему в длительной истории человечества.

## **1. Труд в «природных социумах»**

В течение многих тысячелетий до появления первых оседлых земледельческих обществ трудовая жизнь наших предков ограничивалась двумя видами деятельности — охотой и собирательством. Люди жили небольшими сообществами, численность которых не превышала 30—40 человек. Все необходимое для жизни они добывали охотой, рыболовством и собиранием плодов и корней растений. В этих небольших сообществах практически не было неравенства. Поскольку люди почти постоянно кочевали, запасы их собственности были невелики: орудия для охоты и выкапывания растений, нехитрая утварь для приготовления пищи. Разделение труда и различия в социальном положении определялись в основном полом и возрастом. Мужчины охотились, женщины собирали растения, готовили пищу и растили детей. Сейчас такие сообщества существуют в некоторых районах мира, например в джунглях Бразилии, Африки или Новой Гвинеи. Но эти последние остатки палеолитических форм социальной жизни исчезают под воздействием глобальной цивилизации.

Как можно описать экономическую сторону существования этих сообществ, характер их труда? Обычно они изображаются в самых мрачных красках. Специалист по экономической антропологии М. Саллинз пишет в этой связи: «Почти все без исключения учебники, безоговорочно принимая априорную установку, что жизнь в палеолите была чрезвычайно тяжелой, как будто соревнуются в стремлении создать у читателя ощущение неминуемой гибели, заставляя его задаваться вопросом не только о том, как охотники умудрялись выживать, но и о том, было ли это вообще жизнью. Призрак голода охотится за охотником на страницах этих книг. Несовершенство его технических средств, как утверждается, вынуждает его трудиться не покладая рук, чтобы попросту выжить, не позволяя ему ни сделать передышку, ни накопить какой-нибудь запас и, следовательно, не оставляя “свободного времени” для “создания культуры”. И даже при этом, несмотря на все свои усилия, охотник дотягивает лишь до низших уровней термодинамики — считается, что при таком способе производства на душу населения в год

приходится меньше энергии, чем при любом другом. И в трактатах по экономическому развитию охотник обречен играть роль плохого примера — так называемой “экономики выживания”» [Саллинз, 1999, с. 19]<sup>3</sup>.

Экономику иногда называют «мрачной наукой», поскольку она исходит из того, что при неизбежной ограниченности ресурсов и тяготах труда и при неограниченности человеческих потребностей в принципе невозможно такое общество, в котором все или по крайней мере большинство людей будут ощущать полный достаток. В этом плане «присваивающая экономика» охотников и собирателей рисуется особенно печальной. Образ бродячих охотников, вынужденных постоянно передвигаться в непрерывных поисках скудной пищи и оберегать свою территорию в ситуации гоббсовской «войны всех против всех», чем-то напоминает картину жизни нищих в «джунглях» современных больших городов с той лишь разницей, что добыча пищи первым давалась гораздо труднее.

Между тем современная экономическая антропология, основываясь как на исторических свидетельствах, так и на изучении экономической деятельности еще сохранившихся сообществ охотников и собирателей (их осталось около четверти миллиона человек), дает совсем иную картину. В те далекие времена, когда все люди жили охотой и собирательством, население Земли не превышало 10 млн человек. Даже в самых благоприятных регионах, где водилось много зверей, птиц и рыбы, где была обильная растительность, плотность населения была очень небольшой. Поэтому такие «природные сообщества» достаточно легко удовлетворяли свои основные потребности. Более того, они жили в ситуации своего рода «первоначального изобилия», в результате чего у охотников и собирателей оставалось очень много «нерабочего времени», которое они посвящали общению, различным формам раннего искусства и магическим обрядам. Таким образом, можно утверждать, что природа не была для первобытных обществ суровой мачехой, она довольно щедро делилась своими плодами.

Данный вывод подтверждают даже современные исследования, которые проводятся в тех экологически неблагоприятных местах,

---

<sup>3</sup> Слова о термодинамике здесь относятся к работе известного культуролога Л. Уайта «Энергия и эволюция культуры» (1949), оказавшей большое влияние на оценки соотношения культуры охотников и собирателей и последующей неолитической земледельческой культуры.

Л. Уайт доказывал, что неолит привел к значительному прогрессу в результате огромного увеличения количества энергии в год на душу населения, осваиваемой благодаря земледельческому и скотоводческому мастерству. Но М. Саллинз считает, что Л. Уайт был неправ, что труд людей не облегчался в результате доместикации растений и животных, а основная энергия в обоих случаях обеспечивалась простой физической силой людей.

куда сообщества охотников и собирателей были вытеснены из более плодородных регионов, изобиловавших пищей. В этом плане показательны материалы, собранные этнографической экспедицией в австралийском Арнемленде и опубликованные в 1960 г. Важное место среди них занимает исследование, посвященное распределению времени, затрачиваемого на охоту и собирательство, и дополненное анализом питательной ценности добываемых продуктов. Оценивая полученные данные, М. Саллинз пишет: «Первое и наиболее очевидное заключение состоит в том, что труд этих людей не изнурителен. Время, затрачиваемое человеком на добычу и приготовление пищи, в среднем составляло 4–5 часов в день. Второе: они работают не непрерывно. Проблема добывания пищи не стоит перед ними постоянно; временами они добывают достаточно, чтобы снабдить себя впрок, благодаря чему у них остается масса времени, которое они могут проводить, ничего не делая... Третья характерная черта охоты и собирательства, которую невозможно вообразить, исходя из имеющихся ранее представлений: создается впечатление, что эти австралийские аборигены скорее недоиспользуют свои объективно существующие экономические возможности, чем исчерпывают трудовые усилия и имеющиеся в их распоряжении ресурсы до предела возможного» [Там же, с. 32].

Никаких следов жестокой «экономики выживания» здесь (а также в аналогичных исследованиях других сообществ, например бушменов Ботсваны, жителей Огненной Земли) не обнаружено. К своим обязанностям аборигены подходили не как к тяжелой и неприятной работе, от которой нужно скорее отделаться, а как к жизненной игре. Количество и калорийность добываемой ими пищи, содержание в ней белков и витаминов вполне соответствовало современным западным стандартам. И все это достигалось благодаря не слишком обременительной и далеко не каждодневной работе. Охота у мужчин была нерегулярна, и если в один день им доставалась хорошая добыча, они часто отдыхали весь следующий день. В целом описание их стиля жизни проводившими исследование этнографами заставляет если не удивиться, то улыбнуться: «Помимо времени (главным образом в промежутках между определенными занятиями и во время приготовления еды), проводимого в повседневном общении, болтовне, сплетнях и тому подобном, несколько дневных часов тратилось на сон и отдых. Как правило, мужчины, если они оставались на стоянке, спали после завтрака в течение одного-полутора часов, иногда даже дольше. Также, возвратившись с охоты или рыбной ловли, они обычно ложились поспать либо сразу по приходе, либо пока дичь готовилась. Если они оставались на стоянке в течение всего дня, они спали, когда придется,

и всегда после завтрака. Женщины, занимаясь собирательством в лесу, отдыхали, казалось, чаще, чем мужчины. Оставаясь на стоянке весь день, они тоже спали в свободные часы, иногда подолгу» [Там же, с. 35]. Создается впечатление, что эти благодушные люди не потому не смогли «построить культуру», что у них не хватало для этого досуга, а из-за того, что они много спали.

Ясно, что экономическая жизнь этих сообществ, характер их трудовой деятельности должны быть пересмотрены. Разумеется, жизнь в обществах «первоначального изобилия» не была райской. Но традиционное убеждение о тяжести и убогости их материальной жизни возникает из-за того, что современные люди вольно или невольно приписывают им значительную долю потребностей нынешнего «экономического человека», при этом оставляя их с луком и стрелами и другими нехитрыми орудиями труда. Между тем потребности в рассматриваемых сообществах были весьма простыми и ограниченными, они удовлетворялись столь же легко, как и основная потребность в пище.

Дело в том, что природа давала охотникам и собирателям не только пищу, но и все те материалы, из которых они изготавливали орудия труда и предметы быта. Все это делалось из подручных материалов — камня, кости, дерева, кожи. Для получения сырья и его обработки не требовалось значительных усилий. Доступ к таким природным ресурсам был открыт — «каждый свободно берет, что хочет».

Требуемые для изготовления орудий труда знания и навыки также были общеизвестны. Кроме того, у охотников существовал обычай делиться друг с другом, поэтому у всех была возможность приобщиться к существующему благосостоянию. Конечно, подобное благосостояние объективно соответствовало низкому уровню жизни, однако это определялось в первую очередь тем, что охотники и собиратели вели кочевой образ жизни. Необходимость регулярного передвижения превращала имущество в бремя. По сути, охотники должны были ограничиваться тем, что могли унести на себе. Это определяло портативность их орудий труда и незаинтересованность в их усовершенствовании, а также неразвитое чувство частной собственности.

Постоянное перемещение, причем на весьма значительные расстояния, приводило и к весьма жестоким методам решения демографических проблем. Речь идет о распространенных практиках инфантицида, геронтоцида, полового воздержания в период кормления детей, дробления общин. Все эти меры ограничения количества людей в сообществах охотников и собирателей были обусловлены жесткой необходимостью вести кочевой образ жизни.

## 2. Труд как наказание и мука

Приблизительно десять тысяч лет назад некоторые племена перешли от охоты и собирательства к приручению и разведению овец, коз, коров и других животных, а также к выращиванию съедобных растений на постоянных участках земли. Такие виды деятельности давали более надежное и регулярное снабжение пищей, поэтому скотоводческие и земледельческие сообщества были значительно крупнее сообществ охотников и собирателей.

Земледельческие общества стали основой, на которой возникли первые цивилизации. Поскольку такие общины не кочевали, то они могли накапливать больше материальной собственности, строить более совершенные жилища и создавать более сложные орудия труда, чем охотники или скотоводы.

Но и ранние цивилизации еще очень сильно зависели от природных условий. Поэтому неслучайно, что они возникли в наиболее благоприятных для земледелия регионах — в узком поясе, протянувшемся от Средиземного моря до Тихого океана. Особую роль тут играли формы земледелия в долинах крупных рек — Нила, Тигра и Евфрата, Ганга, Янцзы и Хуанхэ. Теплый климат, обилие воды, несущей также ил для удобрения полей, позволяли получать высокие и устойчивые урожаи. В результате определенная часть населения этих обществ могла уже отдавать не все время добыче пропитания, что создавало основу для развития ремесел, строительства, торговли, а также специализации управления и выполнения религиозных функций. Вместе с тем переход к земледелию, вызвавший рост населения и возникновение цивилизаций, был одновременно и становлением труда как такового — каждодневной, регулярной и тяжелой деятельности. Это был своего рода приговор человеку — «жить тяжелым трудом».

Вместе с ним появились постоянная нехватка средств, переход большинства населения к однообразной растительной пище — к «культуре пшеницы или риса» [Бродель, 2006]. Земледелие привело и к возникновению рабского труда в истории человека. Видимо, неслучайно библейская традиция изображает первого преступника, Каина, земледельцем.

Эти противоречивые характеристики труда получили отражение в первых философско-экономических учениях в период Античности. Здесь нужно, конечно, учитывать, что данные учения создавали люди, которые сами уже не занимались физическим крестьянским трудом, а принадлежали к городской элите общества, монополизировавшей письменность.

Описанное выше позволяет понять, почему в рамках античного мировоззрения простой хозяйственный труд представлялся заня-

тием недостойным свободного гражданина полиса. Такой гражданин прежде всего воин, политик, участник или зритель спортивных состязаний, посетитель дружеских пиров и театра или, если он настроен более созерцательно, член философских школ. Смысл жизни благородного человека состоит не в труде как способе добывать насущные и полезные вещи, а в свободном времяпрепровождении, досуге, который, однако, понимался не как синоним безделья, а как деятельность, насыщенная неутилитарными ценностями политического или интеллектуального общения. В этом плане она противостоит, с одной стороны, праздным развлечениям, а с другой — физическому труду как уделу рабов и вольноотпущенников, ремесленников или торговцев.

Важное исключение делалось лишь для земледельческого труда, что логично, поскольку иначе нельзя понять, как могли бы существовать все эти политики, воины и философы вместе со своими семьями в обществе, которое в конечном счете держалось на аграрном производстве. Свободный житель античного полиса не был также горожанином в современном смысле. В своей работе «Город» М. Вебер отмечает: «Если в наше время мы с полным правом считаем “горожанином” того, кто удовлетворяет свою потребность в продуктах питания не тем, что произведено на его земле, то для подавляющего большинства античных городов (Poleis) верно обратное. Мы увидим, что полноправный *гражданин* античности характеризовался именно тем, что называл своим полный земельный надел, который его кормил: полноправный гражданин Античности был жителем города, обладающим землей» [Вебер, 1994, с. 314].

В ранней греческой литературе — у Гомера, Гесиода в «Трудах и днях» — труд земледельца уподобляется воинским занятиям, предстает как нечто героическое, требующее мужества и отваги, как соперничество с богами, которые спрятали в недрах земли плоды природы. Следы этих представлений видны и в первом собственно «экономическом» произведении эпохи Античности — «Ойкономии» («Домострое»), написанной учеником Сократа Ксенофонтом. В четвертой и пятой главе данного сочинения можно найти буквально гимн земледелию как «матери и кормилице всех искусств». «От занятия земледелием не могут удержаться даже очень богатые люди. Как видно, занятие им — это вместе с тем и какое-то удовольствие, и обогащение, и гимнастика, дающая организму силу для исполнения всякого труда, приличного свободному человеку» [Ксенофонт, 2003, с. 234].

Вместе с тем для Ксенофонта, как позднее и для Платона и Аристотеля, состоятельный горожанин-землевладелец — это, конечно, не пахарь, а прежде всего человек, осуществляющий рациональное управление своими домоладцами и рабами и заботящийся

об обогащении своего хозяйства. К ремеслам и торговле Ксенофонт относился отрицательно, считал их занятием хотя и необходимым, но пригодным лишь для рабов и метеков. Опять же такие взгляды отражали реальную структуру античного общества. Наличие рабства не означало, что рабы использовались лишь как «живой товар» или как лишенное разума «живое орудие». Во-первых, говоря экономическим языком, рабы представляли собой ценный и достаточно редкий хозяйственный ресурс (в ряде полисов число рабов было меньше числа свободных эллинов). Во-вторых, раб выступал «товаром» лишь в краткое время его захвата или продажи, когда он лишался своей предыдущей социальной идентичности. Но на этом его социальная жизнь не заканчивалась. Когда раба покупали, он включался в состав принимающей группы, в рамках которой он «расторговывался» и постепенно обретал новую социальную идентичность — становился зависимым крестьянином, слугой, воспитателем детей хозяина и т.п. Этот процесс новой социализации рабов приводил также к тому, что они могли превращаться в экономически самостоятельный слой горожан, занятых ремеслом и торговлей. «То обстоятельство, что город был местонахождением рынка, который предоставлял постоянную возможность заработка посредством торговли или ремесла, заставляло многих владельцев рабов и зависимых людей использовать их не как рабочую силу в доме или на предприятии, а, обучив их ремеслу или навыкам мелочной торговли, а иногда и снабдив орудиями (так было в Античности), отпускать их в город и предоставлять заниматься там своей деятельностью, платя оброк господину. Поэтому мы обнаруживаем в Афинах при возведении публичных зданий рабов и свободных в одной группе на условиях сдельной оплаты труда. В Риме свободные и несвободные занимались ремеслом и мелочной торговлей как доверенные лица господина или на основе *merx peculiaris*<sup>4</sup>, фактически в качестве совершенно самостоятельно действующих мелких горожан, причем свободные и несвободные входят в одни и те же ритуальные объединения» [Вебер, 1994, с. 331–332]<sup>5</sup>.

Таким образом, античное общество не могло существовать без «человека трудящегося», без рабов и третьего сословия, о котором Платон писал в «Государстве». Вместе с тем философско-антропо-

---

<sup>4</sup> Речь идет о рабах, которые вели торговлю товарами, входящими в их пекулий (*merx peculiaris*), с ведома господина.

<sup>5</sup> Можно отметить, что сходный механизм действовал и в России во времена крепостного права. Помещики отпускали крепостных в город на условиях выплаты оброка, и затем в руках таких вольноотпущенников нередко концентрировалось значительное богатство, приобретенное длительной торговой или ремесленной деятельностью. У крепостного в результате появлялся шанс уплатить выкуп и стать свободным.

логические и экономические учения Античности предстают, скорее, «намеренной попыткой исключить труд из числа условий, на которых людям дана жизнь» [Арендт, 2000, с. 109]. Труд ассоциировался с наказанием и несчастьем, с разделением на свободных эллинов и несвободных в силу своей природы варваров. Говоря современным языком, античное общество не выработало позитивной трудовой этики. Вероятно, только в такой культуре возможен образ Сизифа, приговоренного к бесконечному закатыванию камня на гору, завершавшегося тем, что этот камень тут же скатывался вниз.

### **3. Христианский образ труда**

Распространение христианства изменило негативное отношение к труду, характерное для языческой античной цивилизации. Труд стал пониматься как деятельность, угодная Богу. Средневековую цивилизацию историки культуры склонны оценивать на фоне Античности как цивилизацию труда [Гуревич, 1984, с. 227–228]. В исходных постулатах новой религии нетрудно найти истоки положительной оценки труда. Так, Евангелие наставляет: «В поте лица ешь хлеб свой». Новая оценка труда в христианстве соотносилась с греховной природой человека. Труд понимался как наказание за грехопадение и одновременно как путь к спасению души. Бездеятельность считалась пороком и болезнью, ведущей к печали и меланхолии.

Крупнейший теолог этой эпохи Фома Аквинский учил, что именно труд, а не праздность способствует духовному совершенствованию. В его интерпретации сам Бог предстал как «первый работник», сотворивший мироздание. Наиболее полезными видами труда, по его мнению, были земледелие и ремесло. На торговлю святой Фома смотрел как на небогоугодное, хотя и необходимое дело. Купцам позволительно устанавливать надбавку к цене на товары лишь за вложенный труд по их перевозке из других городов и стран. Особую его критику вызывало ростовщичество, которое должно было запретить в обществе, построенном на христианских нормах. Ростовщичество — это дьявольская по своему характеру деятельность, поскольку дает обогащение без всякого труда: даже когда ростовщик спит, долги ему растут.

Чрезвычайно важной вехой стало формирование профессионального труда в Средние века. Многие историки хозяйственной жизни связывают возникновение профессий в точном смысле этого слова с ростом городов в данный период и с особым устройством в них ремесленной деятельности. Так, замечательный русский историк экономической жизни И.М. Кулишер, анализируя происхождение

ние цеховых корпораций Средневековья, пишет, что «ремесленники были первыми, создавшими новые организации и выделившимися из старинных союзов, племенных, общинных, семейных; профессия здесь явилась объединяющим моментом, как ранее им было общее происхождение или совместное жительство» [Кулишер, 2004, с. 242]. Аналогичную позицию занимает французский историк Ж. Ле Гофф, отмечая, что средневековые корпорации «базируются в основном на профессиональной основе» [Ле Гофф, 1992, с. 169].

Институт профессий стал складываться в XII–XIII вв., чему в немалой степени способствовало появление цехов и гильдий с их особой корпоративной организацией. В античную эпоху профессионализм не был целью свободного человека, занятия определенными ремеслами, как уже отмечалось, были по большей части уделом рабов, стремившихся выкупить себя на свободу. В отличие от этого в Средние века ремесленники-профессионалы стали особой социальной группой, постепенно занявшей весомое место в общественной структуре.

Можно отметить существенные отличия профессиональных обществ и от основных сословий того времени. Мир средневековой деревни формировал сословие крестьян как людей, привязанных к земле, мировоззрение которых ограничивалось родной округой и сельской церковью. Их трудовая деятельность носила нерасчлененный характер, она не может описываться как профессия. Духовенство и особенно аристократическая знать избегали профессионализма, поскольку это подрывало их социальный статус: «В ценностном мире аристократизма деятельность определяется личностью и неотличима от последней, тогда как в профессии деятельность определяет человека и предзадана ему извне» [Зубец, 2003, с. 104]. Также для аристократа главная задача заключалась в следующем — стать тем, кто он уже есть по самому своему рождению. Для бюргера же главная задача — стать тем, кем он еще не является, вырасти из ничто, обрести облик, социальное лицо путем приобщения к профессии.

Городская профессия задает человеку такие новые требования, как хорошо выполненная работа и верность профессиональному долгу, которые должны вознаграждаться не только экономически. Здесь возникают истоки того, что М. Вебер назвал «рациональной этикой справедливого воздаяния». Позднее, в эпоху Реформации, эта идея обрела вид мирской аскезы и стремления к спасению в рамках профессии, угодной Богу. Однако в Средние века цеховая «профессиональная культура» еще не была столь строгой, как у ранних протестантов, она соединяла набожность с типично средневековыми видами общения. И.М. Кулишер отмечает это сочетание: «Чем стариннее цеховые уставы, тем больше места отведено

в них вопросам удовлетворения религиозных потребностей, так что многие из них производят такое впечатление, как будто бы цехи учреждены исключительно для спасения души своих членов. Все они имеют святых в качестве патронов, имеют свои церкви и часовни, устраивают религиозные процессии. В день почитаемых цехом святых происходит богослужение, причем все члены цеха обязаны на нем присутствовать; точно так же они обязаны собираться для поминовения усопших членов. В связи с этим находится и требование от вновь вступающих известного количества воска, а также взимание многочисленных штрафов в виде воска — последний шел на факелы, употребляемые при религиозных процессиях, и на свечи во время богослужения... Рядом с воском и денежным взносом вновь вступающий обязан был поставить цеху и известное количество вина, а равно другие съестные припасы, и устроить угощение мастерам. В этом выражается, как и в штрафах пивом и вином, то, что цехи не упускали из виду и цели общения, что и в этом отношении они составляли нечто единое; между ними обнаруживалась в этом в особенности крепкая связь, тем более что в их совместных пиршествах принимали участие не только члены цеха, мастера, но и их семьи. Само название цеха (*zeche* — “застолье”, “пир”, то же обозначает и *gild*) свидетельствует об огромном значении общения его членов» [Кулишер, 2004, с. 245].

Параллельно с формированием института профессиональных корпораций происходило идейное и религиозное оправдание профессионализма. Например, в XII в. обсуждался вопрос: можно ли продавать знание, если оно есть дар Божий? В итоге была признана законность оплаты профессиональной деятельности учителей и университетских мэтров, в частности, им было позволено получать деньги от учеников. Для Фомы Аквинского разделение людей по профессиям являлось следствием Божественного плана мирового устройства. Поэтому, по его представлениям, нет недостойных ремесел, всякая профессия богоугодна.

#### **4. Реформация и трудовая этика**

Рассмотренная линия религиозного оправдания труда достигла своей кульминации в протестантском учении о мирском профессиональном труде как главном призвании человека. Данному вопросу и его связи с генезисом современного рационального капитализма посвящена знаменитая работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Основное, что стремился объяснить в этом труде немецкий ученый, — это духовные предпосылки, которые могут побудить людей к непрерывному и методичному труду и его рациональной организации. Именно их он находит в протес-

тантском этосе. При этом он подчеркивает, что дело здесь не столько в том, как протестантская этика излагается на словах или записана в наставлениях Лютера или Кальвина. «Не этическое учение религии, а то этическое отношение к жизни, которое *поощряется* в зависимости от характера и обусловленности средств к спасению, предлагаемых данной религией, является “ее” специфическим “этосом” в социологическом значении этого слова. В пуританизме таковым была определенная методически-рациональная система жизненного поведения, которая при известных условиях прокладывала путь “духу” современного капитализма» [Вебер, 1990, с. 290].

Такая протестантская установка жизненного поведения характеризовалась М. Вебером как «мирская аскеза»: профессиональная деятельность становится религиозным «призванием». Если другие религии главным путем к Богу объявляли религиозную аскезу, то протестантизм в качестве такого пути пропагандировал честное исполнение своего профессионального долга. Успех в делах свидетельствовал о том, что человек с большей вероятностью может надеяться на спасение своей души.

Все это относилось и к такой деятельности, как предпринимательство. В честной торговле, в методичной предпринимательской деятельности протестантизм увидел достойное призвание человека, стремящегося к благостной религиозной жизни. А поскольку данная религия не поощряла роскошь, развлечения и расточительство, то предприниматели-протестанты могли больше сделать в развитии своего дела, получая дополнительные преимущества перед своими конкурентами. В том же духе они наставляли своих детей, приучая их с детства к добросовестному труду и обучая практически полезным профессиям.

М. Вебер доказывает, что этот капитализм, как и соответствующий ему «экономический человек» не мог возникнуть случайно, он не соответствует природной склонности людей. Люди, которые являлись носителями такой хозяйственной этики, связывали свою деятельность с определенными, причем очень строгими, религиозными ценностями. Отсюда следует его вывод: «Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного рационального с экономической точки зрения образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стимулирование капиталовложений. Пуританизм стоял у колыбели современного “экономического человека”» [Там же, с. 200].

Реформация изменила понятие христианского долга, перенесла его с религиозного послушания на усердный труд в любой из мирских профессий. Городские протестантские слои общества соединили представления о религиозной этике и критерии успешного

хозяйствования. Такие качества, как честность, расчетливость, бережливость, трудолюбие, приобрели характер моральных заповедей, которые определяют богоугодное поведение. Одновременно эти качества служили залогом успеха в хозяйственных делах. Таким образом, для человека раннебуржуазного общества труд стал делом, самоцелью и призванием.

Примечательно, что данный трудовой этос стал распространяться не только в собственно буржуазной среде, но затрагивал и простых работников. Так, примером может служить поведение английских рабочих-методистов XVIII в., которые упорно продолжали работать, несмотря на то что им срезали и без того невысокую оплату труда. Усердие и дисциплина, с которыми трудился верующий, не могут быть объяснены никакими обыденными потребительскими мотивами. Трудовая этика здесь определялась ее духовными истоками.

## **5. Индустриальное общество: секуляризация и превращение труда в товар**

Переход к достаточно развитой рыночной экономике, который начался в XVIII и набрал силу в XIX в., ознаменовался новым сдвигом в социальном статусе и образе труда. Со второй половины XVIII в. в передовых европейских странах, прежде всего в Англии, начался процесс быстрого развития капитализма и рыночных отношений. Речь идет о резко возросшем применении машин в производстве (промышленная революция), о росте торговли, о трансформациях в сельском хозяйстве, политической сфере, в области финансов. Благодаря отказу от внутренних таможен и пошлин и развитию транспорта произошло формирование национального рынка. Переход к машинному производству сопровождался возникновением фабрик и заводов, бурным ростом промышленных городов.

Эти революционные процессы привели к кардинальным изменениям в характере труда. Представляется, что к наиболее важным из них можно отнести секуляризацию, лишившую многие виды труда религиозно-этической санкции, о которой говорилось выше; превращение труда в рыночный товар; возникновение дисциплинарных практик по формированию у множества людей необходимых для индустриального труда качеств.

Секуляризация — это постепенное вытеснение религии с ее центральной позиции в культуре. Исторически религиозные установления, регулирующие деятельность людей, обладали монополией на высшее обоснование как индивидуальной, так и коллективной жизни. Считается, что наука и ее идеологическая пропаганда

в эпоху Просвещения подорвали эту монополию. Между тем современные исследования доказывают, что данный процесс гораздо более сложен. Реально наука не могла вытеснить религию, поскольку социальная роль науки была незначительной, а сами ученые в большинстве своем считали, что занимаются «естественной теологией». Секуляризация является следствием социально-экономической модернизации — становления капитализма и индустриального общества и его политических институтов. Известный специалист по социологии религии отмечает: «Исходной “ареной” секуляризации была сфера экономики, а точнее, ее области, возникшие под влиянием развития капитализма и индустриализации. Как следствие различные слои современного общества затронуты секуляризацией в разной мере, в зависимости от их близости или, напротив, удаленности от этого процесса. Наиболее секуляризованными оказались слои, находившиеся в непосредственной близости к этому процессу. Другими словами, современное индустриальное общество породило занимающий центральное “место” сектор, который в отношении религии является своего рода “освобожденной территорией”. Из этого сектора секуляризация начала распространяться “вовне” на другие социальные сферы» [Бергер, 2003, с. 29].

Важно, что сфера экономики, от которой секуляризация стала распространяться и на другие области, более обширна и влиятельна по сравнению с наукой. Важно и то, что любые попытки наложить на эту сферу какие-либо сдерживающие ее религиозные запреты угрожали подорвать экономическое развитие страны, ослабить ее место в мировой конкуренции. С XIX в. и государственный аппарат стал все больше приспособлять свои собственные структуры и идеологию к требованиям растущей экономики индустриального производства. На уровне структуры это формирование обширной рациональной бюрократии, на уровне идей — возникновение больших идеологий (либерализм, консервативная идеология, социализм), которые стали вытеснять традиционную религию в сознании масс людей. Не случайно, например, в России о секуляризации как серьезном социальном явлении заговорили не в первой половине XIX в., когда отечественная наука стала приобретать зримые очертания, а в начале XX в., когда в стране появился индустриальный капитализм.

Секуляризация вела к смене морального обоснования трудовой деятельности — религиозные нормы заменялись социальными и утилитарными, также шло размывание и упадок трудовой этики. Исходный духовный импульс, который М. Вебер описывал в понятии «мирская аскеза», атрофировался, работа ради материальных благ стала преобладающей в индустриальном капитализме.

Этому способствовало и наличие наемного труда в индустриальном производстве. Такой тип труда был тяжелой и бесчеловечной формой деятельности. Разделение труда придавало ему однообразный, лишенный творчества характер, содержание и ритм труду задавали машины. К. Маркс описывал это в своей теории отчуждения труда, которое обесмысливает его и превращает фабричных рабочих в «придатки машины». Вторя К. Марксу, американский социолог О. Тоффлер отмечает: «Труд был грубым и жалким в отраслях Второй волны, даже когда они были высокодоходными. В действительности грубость труда была обязательной составляющей прибылей. Чем больше вы выжимали пота из людей, тем больше денег вы делали» [Тоффлер, 1986, с. 254]<sup>6</sup>.

В антропологическом отношении такой характер индустриального труда потребовал жестких социальных практик формирования у больших масс людей необходимых для такой деятельности качеств.

Данную сторону индустриального общества ярко описал в ряде работ французский философ М. Фуко [Фуко, 1997, 1999]. Он показал, что на протяжении этой эпохи работные дома, приюты и тюрьмы, фабрики и казармы служили «дисциплинарными институтами», вырабатывающими у людей качества, необходимые для индустриального труда. Среди таких институтов промышленные фабрики и основанная на всеобщей воинской повинности армия играли особую роль. Пропуская через свои дисциплинирующие практики большинство, по крайней мере мужского, населения, они выступали также и производителями социального порядка. Способность к труду на индустриальном предприятии и пригодность к военной службе становились мерилем социальной нормы индивида, тогда как неспособность к этому была показателем либо социальной, либо психофизиологической аномалии.

Параллельно развивался рынок труда, что означало превращение труда в товар. Следует отметить, что до возникновения буржуазных отношений труд не был товаром. В феодальном обществе ни в аграрном секторе, ни в цеховом ремесле труд и земля не были предметами рыночного оборота. Земля была основой феодального порядка, фундаментом военной и политической системы. Это же относилось и к субъектам труда. Крестьяне были неотделимы от земли, ремесленники — от цехов. Так, в рамках цеховой системы взаимоотношения мастера, подмастерья, работника регулировались не договорами найма, а нормами и обычаями того или иного цеха.

Между тем необходимость «товаризации» труда осознавалась, по крайней мере в теоретическом отношении, уже на заре буржу-

---

<sup>6</sup> Термином «Вторая волна» Тоффлер называет индустриальное общество.

азного общества. Так, английский философ Т. Гоббс в XVII в. писал: «Труд человека также является товаром, который можно с пользой обменивать точно так же, как и всякую другую вещь» [Гоббс, 1991, с. 192].

Капиталистический тип экономики требует и сам порождает рынки не только товаров и услуг, но и средств производства — труда, земли, капитала. Чтобы создать крупное производство, предпринимателю нужно собрать на фабрике сотни работников, что невозможно, если нет рынка свободной рабочей силы.

Что происходит, когда труд начинает превращаться в товар? Здесь важно учитывать, что он не является обычным товаром. Известный экономист К. Поланьи назвал труд «фиктивным товаром» и отмечал, что его невозможно использовать, не затрагивая саму человеческую личность, которая является носителем этого своеобразного товара [Поланьи, 2002]. Помимо прочего труд не похож на обычный товар: он не может запасаться, храниться, пускаться в оборот по мере надобности и т.д.

Однако индустриальный капитализм не может эффективно функционировать без превращения труда в товар. С этим также связана социальная трагедия, которая сопровождала возникновение нового индустриального порядка. Наиболее ярко она проявилась в Англии, где крестьян сгоняли с земли, разоряли и превращали в готовую к использованию «рабочую силу», где был широко распространен дешевый труд детей и т.п. Но постепенно, как отмечает К. Поланьи, такая ситуация трансформировалась, входила в социально приемлемые рамки путем различных ограничений свободного рынка в отношении труда. Законодательство стало запрещать труд детей, ограничивать рабочий день, профсоюзы отстаивали рост зарплаты и т.п. Таким образом, общество находило способы защиты труда от опасностей, присущих индустриальной рыночной системе.

## **6. Новый характер труда в постиндустриальном обществе знаний**

Сегодня много говорят о «конце труда», о том, что «общество труда» уходит в прошлое. Современному постиндустриальному обществу уже не требуются огромные массы работников, занятых массовым промышленным трудом. Индустриальная эпоха, на протяжении которой огромные предприятия являлись основными институтами поддержания социального порядка, подходит к концу, по крайней мере в наиболее развитых странах. Это отражается и в сфере занятости, и в характере труда. Постиндустриальное общество все чаще определяют как «общество знаний», в котором знания и информация становятся ключевым ресурсом технологического, экономического и социального развития.

Конечно, труд, основанный на знании, существовал и раньше, однако «эксперты» в прежние эпохи составляли очень узкую прослойку работников. Сегодня же число профессий, связанных с основанным на знаниях трудом, постоянно растет, в то время как число рабочих мест, не требующих особых знаний, стремительно сокращается. Уходит в прошлое целый ряд сугубо рабочих профессий, физический труд вытесняют машины и промышленные роботы, управляемые компьютерами. В результате все меньше людей остается в сфере материального производства. По оценкам, в этой сфере в постиндустриальных странах занято не более одной десятой от общего числа работников.

Распад старых индустриальных структур ведет как к облегчению труда, так и к серьезным социальным последствиям. Так, социологи говорят об «обществе двух третей» и ожидают его превращения в «общество одной трети». Они отмечают, что в настоящее время все необходимые товары и услуги могут быть произведены двумя третями населения, а вскоре для этого будет достаточно и одной трети [Бауман, 2002, с. 195]. Если раньше люди уходили из деревни в город на фабрику, затем с фабрики многие переходили в сферу слуг, то в нынешней ситуации им уходить будет некуда. Работы просто не хватит на всех, и лишщенные возможности трудиться люди будут экономически бесполезны и подвержены разным формам социального исключения. Поэтому «конец труда» предстает и как конец социальной стабильности, конец «стандартной занятости», позволявшей человеку, овладевшему определенной профессией, планировать свою жизнь на годы вперед.

Важный момент связан с изменением форм управления высококвалифицированными профессионалами в условиях нарастания сложности и наукоемкости труда. Эту проблему глубоко анализирует английский институционалист Дж. Ходжсон. Он отмечает, что «современные экономические системы характеризуются важнейшей долговременной тенденцией — прогрессом знаний и нарастанием сложности социально-экономической жизни. Растущая сложность порождает как социально-экономические, так и политические проблемы. Технологический прорыв их “снять” не в состоянии. Поэтому актуальны два альтернативных сценария дальнейшего развития общества в рамках данной тенденции: благоприятный, при котором возможности и способности людей безгранично расширяются, и неблагоприятный, при котором развитие сопровождается утратой способности к труду. Назовем их соответственно “сценарием прогресса знаний” и “сценарием деквалификации”» [Ходжсон, 2001, с. 33].

Дж. Ходжсон считает, что «сценарий деквалификации» обнаруживается уже у К. Маркса, который полагал, что рост машинного

производства в условиях совершенствования технологий приведет к снижению уровня квалификации рабочей силы. Технология применяется экстенсивно — не в целях повышения созидательной мощи человека, а замещая ее.

Стоит отметить, что и после К. Маркса многие ученые описывали высокотехнологичную экономику будущего как подавляющую стремление человека к приобретению знаний. Производственными процессами при такой экономике управляют не люди, а машины, наделенные искусственным интеллектом. В виде модели «будущего без труда» можно представить автоматизированную фабрику, которая обслуживается одним работником и служебной собакой. «Единственная ответственность служащего состоит в том, чтобы кормить собаку; собака же, в свою очередь, должна следить, чтобы служащий не касался ни одной из машин» [Aronowitz, Di Fazio, 1994, p. 44].

При таком сценарии большая часть населения живет в праздности, занимается общением, искусством и другими видами «свободного духовного производства». Это ведет к выходу за рамки отчужденного труда и преодолению «профессионального кретинизма», о чем мечтал К. Маркс.

Однако, по мнению Дж. Ходжсона, подобный сценарий декалфикации маловероятен. Напротив, все говорит о том, что в развитых странах уровень профессиональной квалификации не снижается, а растет. «Ошибка Маркса кроется в недопонимании природы знаний и характера их распространения в развитой экономической системе» [Ходжсон, 2001, с. 34].

Но и у сценария прогресса знаний и роста профессионализма есть свои проблемы. В экономическую и социальную жизнь все явственнее вторгается неопределенность. В сложной эволюционирующей системе с высокой интенсивностью накопления и применения знаний работникам надо не просто учиться, им приходится постигать сам процесс обучения. Трудности возникают и с контролем и управлением высококвалифицированными профессионалами. По определению, работа в организации предусматривает определенный контроль со стороны других лиц. Однако в экономике знаний организации во все большей степени начинают состоять из специалистов, каждый из которых знает о своем деле больше, чем любой другой член организации. Поэтому проблема управления и контроля оказывается трудноразрешимой. Если работник обладает уникальными знаниями и навыками, степень эффективности контроля зависит и от компетентности контролирующего. Как организовать административную иерархию, если управляющие не будут знать, как лучше всего выполнить данную работу и даже точную цель этой работы, если в этих проблемах гораздо более компетентен сам работник-профессионал?

Дж. Ходжсон считает, что выход из этих проблем состоит в стирании различий между управлением и собственно работой, в отказе от традиционных иерархий и «размывании» границы между менеджерами и работниками в связи с возрастающей сложностью и наукоемкостью процессов производства. «Ответственность, прежде сосредоточенная на верхнем этаже иерархии, распределяется по всей организации. А по мере того как иерархия становится более “горизонтальной”, снижается заинтересованность в подъеме по иерархической лестнице» [Там же, с. 38].

Все это приводит к радикальному изменению облика организаций в экономике, основанной на знаниях. В результате нарастания сложности и наукоемкости процесса производства административный контроль индустриального типа приобретает все более ограниченный характер. «Экономическая организация реагирует на это поощрением внутренней мотивации работника и его приверженности делу. Данные факторы теперь выступают в роли главных стимулов к производительной деятельности, заменив в этой роли начальство» [Там же, с. 39].

Таким образом, можно утверждать, что роль профессионализма не утрачивается в современном обществе. Увеличение сроков учебы и других видов профессиональной подготовки свидетельствует о том, что эта роль существенно возрастает. Конечно, в наши дни профессиональная деятельность уже не воспринимается как «призвание» или как «исполнение долга». Профессия увязывается сегодня, как правило, с возможностью творческого труда, с этикой самореализации личности. Освобождение человека от старых форм индустриального труда, несомненно, дает новые возможности для его самореализации. Однако данные возможности состоят не в освобождении от труда как такового, а в освобождении от тягот монотонной и физической работы для более свободной и творческой деятельности.

### Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000.  
*Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.  
*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М., 2006.  
*Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.  
*Гоббс Т.* Левиафан // Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1991.  
*Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.  
*Ксенофонт.* Сократические сочинения. М., 2003.  
*Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. Челябинск, 2004.

- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
- Саллинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.
- Тоффлер О.* Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. М., 1999.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
- Ходжсон Дж.* Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. 2001. № 8.
- Aronowitz S., DiFazio W.* The Jobless Future. Minneapolis, 1994.